

**Посвящается двум бесконечно дорогим людям —
моей маме Комаровой Наталии Ивановне
и моему свёкру Подзолкову Сергею Павловичу —
безвременно прекратившим своё земное существование,
но не ушедшим из моей жизни.**

В любви бывают двое виноваты,
А неподсуден кто-нибудь один.
И оба добираются когда-то
Или до истин, или до седин.
В любви ни лжи, ни правды не бывает...
Не потому ль, сама себе судья,
Так медленно она нам открывает
И жизни смысл и тайны бытия?
И как прозреньё — новых песен звуки,
И вечный и неведомый покой...
И я засну на острие разлуки,
Не замечая бездны под собой.
И всё, чего при жизни не хватало,
Найду на этом хрупком рубеже.
Не верь, пожалуйста, что вдруг меня не стало,
И что теперь я не проснусь уже...

Комарова Н.И.

«Рассказы этого сборника внешне принципиально отличаются друг от друга, но в них, помимо самостоятельных основных героев, есть объединяющий их герой «за кадром» — Любовь.

Конечно, любое литературное произведение с некоторой натяжкой или без оной обязательно говорит о любви. Но в данном случае речь идёт не просто о любви с большой буквы, а о её самостоятельном существовании, о всеобъемлющей ипостаси любви».

Подзолков С.П. Вступление к триптиху «Дитя Любви»

ФОРМЫ ДУХОВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ УМЕРШИХ ДЛЯ ЖИВЫХ

Основная цель статьи — попытка осознать и выразить в виде философской рефлексии те формы, которые принимают для нашего внутреннего мира образы умерших людей — очень близких и безразличных, хорошо известных и совсем незнакомых. Где проходит та грань, которая отделяет эти образы в нашем внутреннем пространстве от образов живущих людей, с которыми мы можем продолжить общение? Не иллюзорна ли эта грань?

Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъём в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидел с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его в высоту, своей жизнью, идти по открывшемуся ему направлению, он ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его¹.

Лев Николаевич Толстой

Если пырнуть ножом воду, ей не будет больно; если же ударить

1 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.56-57.

что-то твёрдое, оно сломается. Внутри вас твёрдые убеждения и несокрушимые иллюзии. Именно они со всего маху разбиваются о действительность, именно они причиняют столько боли и страданий.

Этони де Мелло

I

Все мы связаны друг с другом крепчайшими, хотя и незримыми узами, все растём из единого корня. Чем отчётливее человек ощущает эту связь, тем лучшая он поддержка для окружающих, и одновременно тем сложнее ему живётся. Не укрыться тогда от чужих проблем, не замкнуться и не защититься в границах внутреннего мира. Каждая проблема, с которой сталкивается такой человек, становится в какой-то мере его личной проблемой, ибо границы личности расширяются (и пределом является только Всечеловек). С другой стороны, в этом же преодолении границ личности — и залог бессмертия, реализуемого уже сейчас, повсюду и повсеместно.

Принимая живое участие в жизни другого существа, человек оставляет в нём часть себя — своего настоящего подлинного я. Как это проверить? Присмотреться к «составу» собственной личности. Что она есть такое, как не содружество других существ, постоянно актуальных и определяющих личностное мировосприятие? В каждом из нас постоянно «живут» наши дедушки и бабушки, мамы и папы, мужья и жёны, дети, друзья, любимые питомцы и даже вымышленные персонажи, одухотворённые силой нашего воображения. И сила их «голосов» в нас зависит не от того, существуют они в данный момент или нет, но от того только, насколько мы стали проницаемы друг для друга.

А между тем есть только одна сила в мире, способная преодолевать и плавить границы личности — это Любовь. И если два человека раскрываются друг навстречу другу, они образуют двуединство — модель будущего многоединства. Любая другая попытка вторжения в пределы человеческой личности не достигает цели. Можно обидеть человека, глубоко ранить его ненавистью, безразличием, презрением. И кажется, что эти следы тоже

проникают глубоко и становятся частью личности, но они выполняют прямо противоположную работу — отодвигают всеединство. Они заставляют границы личности становиться прочнее и крепче, а иногда даже разрывают целостность личности (её живое «моноединство»: единство с собой), дробя её на части, образуя «пустоты» и «полости».

Лев Толстой говорит об этой всеобщей закономерности предельно простыми словами: «Души человеческие, отделенные телами друг от друга и от Бога, стремятся к соединению с тем, от чего они отделены, и достигают этого соединения с душами других людей любовью, с Богом — сознанием своей божественности. В этом все большем и большем соединении с душами других людей — любовью и с Богом — сознанием своей божественности заключается и смысл и благо человеческой жизни»².

Наряду со всеобщим естественным стремлением к единству, существует удивительная тенденция каждый раз принимать новую достигнутую форму единства за окончательную. Эту закономерность Кен Уилбер назвал «Проект Атман»: «...На каждой стадии роста душа хочет только Единства или Атмана, но поскольку каждая стадия меньше, чем Атман, она имеет тенденцию становиться, по сути дела, компромиссом и заменителем Атмана...»³. Вот почему на пути к подлинному единству возникает такое множество ложных отождествлений, среди которых первое место принадлежит, безусловно, любви. Что только мы ни называем любовью! И страдания, и ревность, и слепую страсть, и пустую абстракцию, и чувство собственности, и даже рабство. Просто окончательное единство кажется таким далёким, что мы готовы обманывать себя снова и снова, лишь бы уже сейчас почувствовать свою причастность благу любовного всеединства.

В ответ на призывы великих учителей человечества ко всеобщей любви и единению, всегда звучат здравые и честные возражения: я не хочу и не могу любить всех, я даже себя не могу любить во всех проявлениях. И это

2 Толстой Л.Н. Путь жизни. — М: Эксмо, 2013. — С.9.

3 Уилбер К. Проект атман: трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: ООО «Изд. АСТ» и др., 2004. — С.159.

справедливо. Поэтому нужно снова и снова брать на себя этот нелёгкий труд — определять, о какой именно любви идёт речь. Любить в каждом только выборочно хорошее, соответствующее собственным идеалам — это не выход, это естественное природное свойство. Любить плохое, ложное, заведомо осуждаемое и ненужное — это либо лицемерие, либо извращение, попустительствующее процветанию зла. Что любит Иисус в Марии Магдалине: её раскаяние и преданность или её слабость и порочность? Ни то, ни другое. Может быть, он любит её невыразимую сущность, то незримое начало, из которого она происходит, то есть Бога в ней? Но такое начало абсолютно тождественно в каждом существе. Не будет ли пустой абстракцией любить это безликое начало, не имеющее никаких специфических черт конкретной личности? Тогда всеобщая любовь — это не любовь к конкретным существам, а любовь к единому тождественному началу этих существ, то есть к Богу. Что же проявляет и высвечивает любовь: *всеобщую тождественность* или *уникальность каждого существа*? Какие внутренние горизонты необходимо раскрыть в себе, чтобы снять эту мнимую антиномию?

II

Второй важнейший для понимания вопрос — в чём специфика нашего подлинного я, податливого только воздействию любви? Лев Николаевич Толстой определил её как «свойство больше или меньше любить одно и не любить другое», как некое уникальное отношение, «в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания»⁴. Человек, по мнению Толстого, боится смерти только как потери этого личного отношения, потому что всё остальное мы и так непрерывно теряем в течение жизни: клетки тела, настроения, воспоминания, мысли и даже сознание. Он пишет: «Мы боимся потерять при плотской смерти своё особенное я, соединяющее и тело и ряд сознаний, проявившихся во времени, в одно, а между тем это-то моё особенное я началось не с моим рождением, и потому прекращение известного временного

4 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.100.

сознания не может уничтожить того, что соединяет в одно все временные сознания»⁵.

Возможно, такое определение подлинной самости ошибочно. Ведь наш уникальный взгляд на мир, наше «нравится-не нравится» по отношению к тому, что нас окружает, является обусловленным предшествующим опытом, а значит, является временным. Иногда мы не сразу можем найти причины своего отношения, но стоит хорошенько задуматься...

...Например, я люблю лето. Меня переполняет особенное блаженство от той гаммы ощущений, которое оно несёт с собой: тёплый солнечный свет сквозь прикрытые веки, крики стрижей в вышине, запах влажной тёплой земли, гудение пчелы. Откуда этот восторг, почему я так люблю всё это? Возможно, потому что в детстве, когда время движется ещё очень медленно, а лето — это и вправду целая жизнь, эту «жизнь» я каждый год проводила у бабушки с дедушкой — в месте, где мне было бесконечно хорошо, где я общалась с людьми, которые мне очень нравились, где почти не было случайных людей и навязанных встреч. Дома в течение года постоянно приходилось общаться с чуждыми, неблизкими и ненужными людьми: в группе детского сада, затем в школе, на секции. И так получалось, что большую часть дня проводишь не с теми, с кем хотелось бы. Вечером дома не всегда успеваешь даже «отогреться» в кругу истинно близких людей. Значит ли всё это, что я люблю лето за счастливые воспоминания? Не совсем...

Если продолжить анализ, то возникает вопрос: почему меня тяготило общение с чуждыми людьми и радовала возможность ограничить круг общения только самыми близкими? Ведь другой на моём месте отчаянно скучал бы, лишившись постоянного контакта с большим числом пусть даже не очень близких людей. Значит моё отношение определялось некоторой врождённой предрасположенностью (темпераментом, акцентуацией), и события моей жизни не были причиной, но только следствием этого изначально присутствующего отношения?

5 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.102.

Даже если мы согласимся с Толстым, что я — это наше априорное особенное отношение к миру, которое было уже до нашего рождения, то останется ли оно неизменным после? Как же тогда допустить в себе параллельное существование других особенных отношений, других взглядов на мир? В каком смысле можно утверждать, что мы — это совокупность (содружество) существ, актуальных для личностного мировосприятия? Не получится ли, что внутри нас действуют чужие диктаторские голоса, вроде фрейдовского суперэго (общество с его законами внутри нас), которые давят и постоянно сбивают с толку, вызывая то ложное чувство вины, то мнимую переоценку ценностей? Почему только любовное отношение к миру может быть вневременной сущностью нашего я? Почему только через него мы становимся открытыми для других столь же сущностных и вневременных любовных интенций, тогда как любое другое отношение к миру остаётся поверхностным и преходящим, не способным преодолеть границы самости? Вопросы, бесконечные вопросы...

«А между тем ни на чём яснее и очевиднее, чем на прекращении плотского существования близких людей, не рассеивается призрачность представления о смерти. Брат мой умер, что же сделалось? Сделалось то, что доступное моему наблюдению в пространстве и времени проявление его отношения к миру исчезло из моих глаз и ничего не осталось... Осталось воспоминание, — не воспоминание его рук, лица, глаз, а воспоминание его духовного образа. Что такое это воспоминание?.... Воспоминание это тем живее, чем согласнее была жизнь моего друга и брата с законом разума, чем больше она проявлялась в любви. Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что *действует на меня* и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании, точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его

смерти теперь того же самого, чего оно требовало от меня при его жизни. Мало того, *воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моём брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня* [курсив мой — Н.П.]»⁶.

Это правило применимо не только на личностном, но и на общекультурном уровне. Действительно, казнив Сократа, жители Афин думали, что избавились от «овода», но они ошиблись: смерть сделала его лишь сильнее. Смерть Иисуса стала утверждением его любви к человеческому роду на целые тысячелетия.

Поразительные интуиции о значении для нас ушедших поколений, мы находим в «Системе позитивной политики» Огюста Конта. По Конту каждый человек живёт последовательно в двух измерениях: временном и вечном. Вечного измерения заслуживает далеко не всё в человеке, но только мера его всеобщей любви или, в терминологии Конта, мера его альтруистического служения человечеству как Великому Существу (Le Grand Être). Но вечное бытие — это не только посмертное существование в памяти потомков, не просто объективированные результаты труда. Даже для позитивиста Конта — это нечто неизмеримо большее, это, скорее, вечно живая сила подлинной любви. По мере развития человечества, растёт число людей, достойно служивших его благу. И постепенно таких людей становится всё больше, их совокупный духовный «вес» превышает совокупную духовность современности, эти умершие физически люди становятся определяющей силой для дальнейшего роста человечества. «По Конту, — писал В.С. Соловьёв, — в составе Великого Существа главное значение принадлежит умершим... Они вдвойне преобладают над живущими: как их явные образцы и как их тайные покровители и руководители — как те внутренние органы, через которые Великое Существо действует в частной и общей истории видимо

6 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.107-108.

прогрессирующего на земле человечества»⁷.

Не поэтому ли величайший гуманист Н.Ф. Фёдоров разворачивал свой грандиозный проект всеобщего воскрешения и преображения? По мысли Фёдорова в новом телесном воплощении человека зло не будет возможно, поскольку сознание воскресших перейдёт на новый уровень абсолютного понимания. Это своеобразная интерпретация сократовского упования на знание: если точно знать, что есть добро, а что зло, то выбор в пользу добра очевиден.

Сходные идеи можно найти тысячелетием ранее в сочинениях великого «Комментатора» — Аверроэса. Он писал о мире Идей (но не платоническом, а скорее ноосферном), где творения человеческого гения, переживающие нас, смертных, суммируясь с последующими завоеваниями, ведут к постепенной трансформации потенциального интеллекта в актуальный. Актуализация созревшего в муках потенциального интеллекта и слияние его с божественным, вечно актуальным и совершенным, и есть завершение человеческой истории. Самое главное, что этот процесс невозможен без всей совокупности живших когда-либо людей, в этой актуализации они продолжают существовать.

III

Все мы действуем друг на друга только силой любви. На свете нет больше никакого двигателя, достигающего подлинного изменения личности, такого изменения, которое затрагивало бы её существа, касаясь именно уникального отношения к миру. Но это, конечно, не любовь-привязанность, лишаящая нас покоя и заслоняющая от нас не только весь белый свет, но даже собственное я. Это «разумная любовь», «всеобщая любовь», любовь, не обусловленная пространственно-временными ограничениями.

«То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим.... но такие чувства предпочтения, бесконечно разнообразные, составляют всю

⁷ Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // *Он же Сочинения* в 2 т. 2-е изд. — М.: Мысль, 1990. — С. 579.

сложность видимой, осязаемой животной жизни людей и не могут быть называемы любовью, потому что они не имеют главного признака любви — деятельности, имеющей и целью и последствием благо»⁸.

Лев Толстой говорил о том, что «любовь есть предпочтение других существ себе — своей животной личности»⁹, но в предпочтении чужих животных личностей своей не было бы ни смысла, ни достоинства, если бы такое предпочтение не было естественным состоянием. Любить всё живое — столь же естественно для души, как дышать воздухом — естественно для тела. Об этом пел Владимир Высоцкий: «Я дышу, и значит — я люблю! Я люблю, и значит — я живу!» Любовь и есть наша жизнь, и ничто другое, кроме любви, её не питает и не поддерживает. *То особенное отношение, с которым я рождаюсь — это мера любви моих предков, то особенное отношение, с которым я умираю — это мера любви всех людей, с которыми мне довелось общаться: лично, через книги, через других людей, это вся та любовь, которую я встретила в жизни.* Пути любви непредсказуемы, и потому любовь абсолютно уникальна. Но каждый раз встречая любовь на своём пути мы безошибочно узнаём, что это она, потому что во всех своих формах любовь абсолютно тождественна.

Когда начинаются споры о том, как любить и кого любить, значит, говорят не о любви. Когда сомневаются, что естественно любить всех, значит, имеют в виду какое-то чувство или эмоциональное состояние. Но любовь — это ни то, ни другое. Любовь — это основа жизни, она и есть сама жизнь. Она — ответ на вопрос, чем живое отличается от косного. Если когда-нибудь будет доказано, что камни не причастны любви, то можно будет признать их косной материей. Но вряд ли что-либо может существовать вне и помимо любви.

Любовь не имеет степеней, она совершенно тождественна себе, но проявляется с разной силой. Сила же воздействия любви зависит только от прочности стен, которые мы возвели, чтобы спрятаться от неё. Эти стены —

8 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.84.

9 Толстой Л.Н. О жизни / Собр. соч. в 22 томах. — Т.17.— М.:Худ.лит., 1984.— С.85.

наша самость: целый бастион непробиваемых представлений о себе, о мире, о справедливости и о самой любви. Но любовь — не стенобитное орудие, её сила — не в разрушении, а в созидании жизни. Поэтому иногда мы умираем, так и не начав жить.

Великий индийский мыслитель Джидду Кришнамурти писал: «Ум испытывает страх перед тем, что ему неизвестно. Если бы вы знали смерть, у вас не было бы страха перед ней, не было бы необходимости для пространственных разъяснений. Но вы не можете знать смерть, она есть нечто во всех отношениях новое, никогда не переживаемое прежде. То, что вы пережили, становится известным, прошлым; от этого прошлого, от этого известного исходит наше познание. Пока происходит такое движение от прошлого, не может произойти новое»¹⁰.

То, что мы обычно называем смертью — смерть физического тела — скорее, служит делу любви, чем мешает её проявлению. Такая смерть разрушает иллюзии и отбрасывает всё лишнее, что ложно отождествлялось с любовью. Но истинная смерть — полностью противоположна любви, истинная смерть — это страх перед жизнью, это замыкание в том, что мы считаем своей уникальной личностью, это тяжкий замок отчаянья и одиночества, который мы ещё при физической жизни вешаем на своё сердце, закрывая его от любви.

По мере накопления опыта и наблюдения за смертью «со стороны», несколько раз меняется отношение к собственной смерти. Детское отношение выражается в формуле Тома Сойера: вот умру, тогда вы поймёте, какой я был хороший. Затем наступает возраст зрелости и сочувствия к близким: только бы не умереть, ведь это принесёт им столько боли. Потом приходит мудрое осознание: вся эта боль вокруг смерти только воспитывает и закаляет характер, а посему моя смерть поможет близким «отделить зёрна от плевел». Но какие бы формулы не придумало человечество, какие бы истины не были доступны пониманию, каждый человек остаётся со смертью один на один и каждый раз заново и абсолютно по-своему решает этот вопрос. И может оказаться, что

10 Кришнамурти Дж. Вода не знает. — СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005. — С.77.

встреча со смертью оборачивается началом жизни и осознанием любви как её основания.

Я очень скучаю по вам, мои любимые, и в каждом событии, в каждом факте сознания ищу подтверждения того, о чём знает моё сердце — смерти нет, есть только любовь. В своих поисках я обратилась к великим мыслителям, чтобы посмотреть на проблему «с точки зрения вечности», как учил Спиноза. Но чужие ответы, даже те, которые я принимаю всей душой, сами по себе не преобразуют жизнь. Это работа каждого дня. Поэтому заканчивая статью, я нахожусь там же, где была — в самом начале пути. Всё, что я знаю — что моя боль и тоска по вам не имеет отношение к любви, она только укрепляет стены моего упрямого и глупого эго. Всё, что я знаю — что ваша любовь всегда остаётся со мной. Всё, что я знаю — что я и есть ваша любовь, а вы продолжаете быть, потому что вы — это и моя любовь тоже.

Я ничего не знаю о смерти, о жизни и о любви... Но готова ли я принять новое?..